

Научная статья

УДК 339.7

ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННЫХ РЕЖИМОВ НА АРХИТЕКТУРУ МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТОВ И ВАЛЮТНУЮ КОНКУРЕНЦИЮ

**Астра Анжелика Александровна, Доктор экономических наук,
Новосибирский государственный технический университет, Факультет
бизнеса, Кафедра менеджмента, Россия, Новосибирск, asanzh360@mail.ru**

Аннотация. На современном этапе необходимо комплексно исследовать причинно-следственные связи между усилением санкционного давления, адаптационными мерами субъектов мировой экономики и структурными изменениями в системе международных расчётов и валютной конкуренции. Настоящая работа ставит целью последовательное изучение следующих взаимосвязанных аспектов: анализ санкций как инструмента геоэкономической политики и их эволюции в период 2021-2025 гг.; оценка адаптационных стратегий стран, подвергшихся санкциям, с фокусом на внедрение альтернативных систем расчетов и цифровых активов; исследование феномена фрагментации глобальной финансовой инфраструктуры и повышения значимости региональных платежных систем; взвешенная оценка реальных перспектив и темпов дедолларизации в международных расчетах, а также потенциала других валют для усиления их роли в международных резервах. Результаты такого анализа позволят сформировать более четкое понимание траектории развития мировой финансовой системы в условиях нарастающей геоэкономической турбулентности. Выводы: эскалация санкционных режимов в 2021-2025 гг. выступила в качестве катализатора глубоких структурных изменений в архитектуре международных расчетов. Эти изменения носят не краткосрочный, а фундаментальный характер, знаменуя переход от универсальной, доллароцентричной модели, доминировавшей в первые два десятилетия XXI века, к модели многополярной и институционально

сегментированной. Складывающаяся система международных расчетов характеризуется возрастающей сегментацией и регионализацией. Она приобретает многополярную структуру, в которой доминирование доллара США в глобальном масштабе сосуществует с укреплением региональных валютных зон.

Ключевые слова: санкционные режимы; архитектура международных расчётов; валютная конкуренция; валютная зона; эскалация; доллароцентричная модель; цифровые активы.

Original article

THE IMPACT OF SANCTIONS REGIMES ON THE ARCHITECTURE OF INTERNATIONAL SETTLEMENTS AND CURRENCY COMPETITION

Anzhelika Aleksandrovna Astra, Doctor of Economics, Novosibirsk State Technical University, Faculty of Business, Department of Management, Novosibirsk, Russia, asanzh360@mail.ru

Abstract. At the present stage, it seems necessary to conduct a comprehensive study aimed at a comprehensive analysis of the cause-and-effect relationships between the escalation of sanctions pressure, the adaptation measures of global economic entities, and structural shifts in the architecture of international settlements and currency competition. This paper aims to consistently study the following interrelated aspects: analysis of sanctions as an instrument of geoeconomic policy and their evolution in the period 2021-2025; assessment of the adaptation strategies of countries subject to sanctions, with a focus on the implementation of alternative settlement systems and digital assets; study of the phenomenon of fragmentation of the global financial infrastructure and the increasing importance of regional payment systems; a balanced assessment of the real prospects and pace of de-dollarization in international settlements, as well as the potential of other currencies to occupy a more significant reserve role. The results of this analysis will allow for a clearer understanding of the

trajectory of the development of the global financial system in the context of increasing geoeconomic turbulence. Conclusions: escalation of sanctions regimes in 2021-2025. acted as a catalyst for profound structural changes in the architecture of international payments. These changes are not short-term but fundamental, marking a transition from the universal, dollar-centric model that dominated the first two decades of the 21st century to a multipolar and institutionally segmented model. The emerging system of international payments is characterized by increasing segmentation and regionalization. It is acquiring a multipolar structure in which the global dominance of the US dollar coexists with the strengthening of regional currency zones.

Keywords: sanctions regimes; international settlements architecture; currency competition; currency zone; escalation; dollar-centric model; digital assets.

Введение. Современная система международных экономических отношений переживает период структурной трансформации, обусловленной нарастанием геэкономических противоречий и активным использованием ограничительных мер в качестве инструмента внешней политики [1]. Санкционные режимы, особенно их беспрецедентное ужесточение и распространение в 2021-2025 гг., перестали быть исключительно точечным инструментом и превратились в фактор давления на глобальную финансовую систему. Основополагающими элементами этой архитектуры, испытывающими наиболее значимое воздействие, являются устоявшиеся механизмы международных расчетов и сложившаяся иерархия резервных валют, где доминирующая роль исторически принадлежит доллару США.

Интенсивное применение санкций в отношении ключевых банковских институтов, отключение банков от системы межбанковских сообщений SWIFT и введение ограничений для центральных банков привели к изменению характера экономических рисков. Характер рисков сместился от преимущественно рыночных и макроэкономических к политико-институциональным рискам, связанным с возможностью внезапного ограничения доступа к глобальным

платёжным каналам и резервным активам. Данный сдвиг инициировал пересмотр многими государствами, особенно теми, которые либо подвергаются ограничительным мерам, либо рассматривают такую вероятность в будущем, своих стратегий обеспечения экономической безопасности и финансового суверенитета [2].

В качестве ответа формируется комплекс адаптационных стратегий, направленных на создание и развитие альтернативных механизмов осуществления трансграничных расчетов. Эти стратегии включают в себя усиление роли национальных валют в двусторонней торговле, развертывание региональных платежных систем, не зависящих от западной инфраструктуры, а также эксперименты с цифровыми финансовыми активами, включая криптовалюты и розничные цифровые валюты центральных банков (CBDC). Каждое из этих направлений может способствовать изменению существующих и созданию новых платёжных механизмов, функционирующих параллельно с традиционными.

Кумулятивным эффектом указанных процессов становится прогрессирующая фрагментация глобальной финансовой инфраструктуры. Универсальная, доллароцентричная система расчетов, характерная для конца XX – начала XXI века, уступает место более сложной и сегментированной модели. В ней возрастает роль региональных и специализированных платёжных систем, формируются отдельные сегменты расчётной инфраструктуры, основанные на иных валютных и технологических стандартах. Эта тенденция ставит вопрос об устойчивости позиции доллара США как доминирующего средства международных расчётов и резервного актива и усиливает научную и практическую дискуссию о перспективах дедолларизации.

Для анализа происходящих изменений важно различать несколько уровней международной финансовой инфраструктуры:

1) передача финансовых сообщений. Его функция заключается в безопасном обмене стандартизированной информацией между финансовыми

организациями. К этому уровню относятся SWIFT и СПФС. Само подключение банка к соответствующей системе сообщений не означает наличия отдельного механизма окончательного расчёта.

2) клиринг и расчёт. Здесь возникают требования и обязательства между финансовыми организациями и происходит окончательное перемещение денежных средств. Традиционно значительную роль играют корреспондентские банковские отношения; одновременно развиваются региональные и валютно-специализированные механизмы, включая CIPS.

3) валюта международного контракта и платежа. Именно здесь проявляется наиболее заметная адаптация двусторонней торговли к санкционным ограничениям: стороны могут заменить доллар или евро национальными валютами, не создавая при этом новую резервную валюту и не отказываясь полностью от существующей глобальной финансовой инфраструктуры.

4) резервные активы. Решение центрального банка о структуре международных резервов зависит не только от используемой во внешней торговле валюты, но также от ликвидности финансового рынка, доступности надёжных активов, конвертируемости, валютного риска и институциональной защищённости резервов [12-14].

Такое разграничение позволяет уточнить содержание дедолларизации. Снижение использования доллара в конкретном двустороннем торговом потоке ещё не означает сопоставимого снижения его роли в мировых резервах, международном кредитовании или выпуске долговых инструментов.

Поэтому санкционное воздействие целесообразно оценивать через функциональную перестройку отдельных элементов системы.

Обзор научной литературы. В системе международных экономических отношений санкции представляют собой комплекс ограничительных мер принудительного характера, инициируемых одним государством, группой государств или международными организациями в отношении других субъектов

с целью изменения их политического или экономического поведения [3]. С точки зрения теории геоэкономики санкции трансформируются из вспомогательного дипломатического инструмента в ключевой элемент стратегического соперничества, где контроль над финансовыми потоками, технологическими стандартами и цепями поставок становится новой формой стратегического доминирования [4]. Эскалация их применения в период 2021-2025 гг. демонстрирует определенный сдвиг: от относительно точечных, целевых мер в отношении отдельных лиц или компаний к мерам секторального и макроэкономического характера, направленным на структурное ослабление экономик стран-мишеней и их изоляцию от ключевых узлов глобальной системы.

Для этого периода характерен переход к политике «максимального экономического давления», нацеленной не только на изменение конкретных действий, но и на долгосрочное снижение экономического и технологического потенциала. Ключевыми каналами воздействия являются ограничение доступа к международным финансам и платежным системам, эмбарго на критический технологический импорт, запреты на экспорт энергоносителей и иные сырьевые товары, а также вторичные санкции, создающие экстерриториальные риски для третьих стран, продолжающих экономическое взаимодействие с объектом ограничений [5], [6].

Ограничения в отношении резервных активов центрального банка привели к тому, что юрисдикционный риск стал самостоятельным фактором при оценке международных резервов. После решений 2022 г. в государствах Европейского союза было иммобилизовано около 210 млрд евро активов Центрального банка Российской Федерации [22].

Экономическое значение данного события состоит в том, что при выборе структуры резервов участники мировой валютной системы стали учитывать дополнительный параметр - вероятность ограничения возможности распоряжаться активом вследствие внешнеполитических и санкционных

решений.

Однако из этого не следует массовый отказ государств от традиционных резервных валют. Диверсификация ограничивается необходимостью хранить средства в ликвидных, масштабных и доступных финансовых инструментах. Поэтому для центрального банка требования геополитической защищённости резервов и их финансовой ликвидности могут противоречить друг другу [12, 14].

Коалиция во главе с США и Японией ввела широкомасштабные меры экспортного контроля в отношении поставок в Россию полупроводников, оборудования для их производства, авиационных компонентов и телекоммуникационного оборудования. В 2024-2025 гг. данные меры были расширены на поставки станков, промышленных роботов и специализированного программного обеспечения, что направлено на эрозию оборонного и гражданского технологического базиса.

ЕС поэтапно ввёл запрет на импорт российской нефти, перевозимой морским транспортом, в декабре 2022 года и нефтепродуктов в феврале 2023 года; эти меры были дополнены механизмом ценового потолка, координируемым G7 [8]. Это гибридный инструмент, сочетающий запрет на логистические и страховые услуги для грузов, продаваемых выше установленной цены, что позволяет сохранять потоки сырья на рынок, но ограничивать доходы экспортера.

Эволюция парадигмы применения санкций в геоэкономической политике (2021-2025 гг.) проиллюстрирована на рисунке 1.

Классическая парадигма (до 2021 года)	Новая парадигма (2022-2025 гг.)
	
☐ Цель - изменение конкретного поведения	☐ Цель - системное ослабление и долгосрочное сдерживание конкурента
☐ Объект - точечные цели (отдельные лица, компании, сектора)	☐ Объект - макроэкономические системы, ключевые отрасли, финансовая инфраструктура
☐ Метод - асимметричное давление с минимальными издержками для инициатора	☐ Метод - экономическое государственное принуждение с приемлемыми для инициатора издержками
☐ Результат - ограниченная эффективность, адаптация цели, сохранение связности	☐ Результат - ускорение фрагментации глобальных систем, стимулирование создания альтернативных контуров

Рисунок 1 - Эволюция парадигмы применения санкций в геоэкономической политике (2021-2025 гг.) (источник: разработано авторами)

Эскалация санкций в 2021-2025 гг. свидетельствует об их переходе в категорию постоянного элемента геоэкономического ландшафта. Они формируют новую систему рисков, где экономические связи становятся уязвимыми не только к рыночным колебаниям, но и к внезапным политико-правовым разрывам. Это, в свою очередь, стимулирует снижение рисков, перестройку цепочек добавленной стоимости и поиск альтернативных механизмов расчётов и формирования резервов, что в совокупности способствует глубокой трансформации архитектуры мировой экономики.

Изменение санкционной практики после 2022 г. корректнее характеризовать как существенное расширение масштаба, глубины и инфраструктурного охвата ограничительных мер. Возросло значение санкций в отношении центральных банков, трансграничных финансовых каналов, технологического экспорта, транспортно-страховых услуг и взаимодействия с финансовыми институтами третьих стран. Тем самым для участников международной торговли возрос риск не только изменения стоимости

финансовой операции, но и утраты доступа к конкретному расчётному каналу [10-12].

Методологическая и теоретическая база исследования. Исследование построено на сравнительно-институциональном анализе изменения механизмов международных расчётов в условиях усиления геоэкономической фрагментации.

Информационную базу составляют данные Международного валютного фонда о валютной структуре международных резервов, материалы Европейского центрального банка о международной роли валют и трансграничных платёжных сетях, публикации Банка международных расчётов по развитию платёжной инфраструктуры, сведения Банка России, CIPS и документы БРИКС [12-21].

Анализ проводится по трём направлениям.

Первое направление связано с расчётной инфраструктурой. Рассматривается развитие альтернативных каналов передачи финансовых сообщений и расчётов, их функциональное назначение и степень взаимодействия с традиционными корреспондентскими сетями.

Второе направление охватывает валютную структуру международных операций. Здесь разграничиваются валюта двустороннего расчёта, валюта международного финансирования и резервная функция.

Третье направление относится к цифровой трансформации трансграничных расчётов. Анализируются оптовые CBDC, токенизированные банковские деньги и стабильные цифровые активы с учётом того, что технологическая модернизация платёжного канала сама по себе не определяет валюту, в которой выражено денежное требование.

Результаты исследования и их обсуждение. Ответные стратегии стран, находящихся под санкционным давлением, развивались от оперативных мер по замещению недоступных финансовых каналов к созданию институциональных альтернатив. Анализ выявил три основных адаптационных вектора:

1. Замещение валюты расчёта в отдельных торговых потоках. Российский пример показывает масштаб подобной перестройки. По итогам 2025 г. около 55%

международных расчётов российского бизнеса приходилось на рубль, ещё 31% - на валюты дружественных стран, тогда как совокупная доля доллара США и евро сократилась до 14% [18].

Этот результат показывает, что при наличии значимых институциональных стимулов доля доллара в отдельных внешнеторговых расчётах может быстро сокращаться. Однако его нельзя экстраполировать на мировую валютную систему: изменение валюты платежа России не означает аналогичного перераспределения глобальных резервов или международного долгового рынка.

2. Создание резервных каналов передачи финансовой информации и расчёта. СПФС Банка России представляет систему передачи финансовых сообщений. Банк России прямо указывает, что расчёты при её использовании по-прежнему осуществляются между кредитными организациями в рамках корреспондентских отношений [18]. Поэтому СПФС следует рассматривать как альтернативный коммуникационный канал, а не как прямой аналог всей системы корреспондентских международных расчётов.

Иную конструкцию имеет китайская CIPS, ориентированная на трансграничные расчёты в юанях. К концу 2025 г. система насчитывала 193 прямых и 1573 косвенных участника, а её участники находились в 124 странах и территориях [19].

Вместе с тем масштабы CIPS пока существенно уступают глобальному охвату SWIFT, а часть операций CIPS продолжает использовать сообщения SWIFT. По оценке ЕЦБ, это не позволяет рассматривать CIPS как полностью автономную глобальную альтернативу существующей инфраструктуре [14].

3. Цифровизация трансграничного расчёта. Здесь необходимо отделять необеспеченные криптоактивы от цифровых денег, выпускаемых или регулируемых институциональными финансовыми участниками. Волатильность Bitcoin и аналогичных активов ограничивает их пригодность в качестве массовой единицы расчёта по крупным торговым контрактам.

Более значимым институциональным направлением становятся оптовые CBDC и токенизированные банковские обязательства.

Project mBridge достиг стадии минимально жизнеспособного продукта в 2024 г., после чего BIS передал дальнейшее развитие проекта центральным банкам-партнёрам [21]. При этом сам BIS подчёркивал, что проект ещё не представлял полностью зрелую глобальную действующую систему.

Следующий этап экспериментов показывает, что цифровая модернизация не обязательно предполагает отказ от существующей банковской архитектуры. Проект Agora в 2026 г. продемонстрировал возможность сочетать токенизированные коммерческие банковские депозиты и деньги центральных банков в общей программируемой инфраструктуре, сохраняя корреспондентскую банковскую модель как основу трансграничного расчёта [15, 16].

Соответственно, технологическая конкуренция платёжных платформ и валютная конкуренция не тождественны. Новая инфраструктура может обслуживать как альтернативную валюту, так и уже доминирующую международную валюту.

Накопленный эффект от описанных адаптационных стратегий - формирование новых, слабо связанных между собой финансовых контуров. Этот процесс определяется как стратегическая фрагментация, то есть сознательное создание параллельной инфраструктуры в ответ на риск исключения из доминирующей системы.

Большая часть мировой торговли и финансов по-прежнему осуществляется через традиционный контур (система SWIFT + корреспондентские счета в зарубежных валютах). Однако альтернативные варианты расчётов выполняют для участников резервную функцию, снижая их зависимость от сохранения существующих финансовых связей. Экономические издержки фрагментации выражаются в повышении транзакционных издержек для бизнеса, необходимости дублирования инфраструктуры и усложнении

макроэкономического управления.

Дедолларизация в данном контексте понимается как постепенное и неравномерное снижение роли доллара как средства международных расчётов, единицы измерения стоимости и резервного актива. Статистика подтверждает начало этого процесса в отдельных сегментах, но не в глобальном масштабе (таблица 1).

Таблица 1 - Положение основных валют в современной международной валютной системе

Валюта	Доля в мировых валютных резервах, I кв. 2026 г., %	Современная международная функция	Основные ограничения / преимущества
Доллар США (USD)	57,13	Основная резервная валюта; ведущая валюта международного кредитования, долговых инструментов и значительной части торгового ценообразования	Глубокий рынок высоколиквидных активов и сильные сетевые эффекты; одновременно санкционный и юрисдикционный риск стимулирует часть стран к диверсификации
Евро (EUR)	20,03	Вторая мировая резервная валюта; ведущая региональная и международная расчётная валюта	Значительный экономический масштаб еврозоны; международную роль ограничивает меньшая по сравнению с США интеграция рынка безопасных суверенных активов
Японская иена (JPY)	5,44	Значимая резервная и финансовая валюта	Глубокий финансовый рынок, но более ограниченная роль в международном торговом ценообразовании
Китайский юань (CNY)	1,99	Растущая региональная и торговая валюта; развивается инфраструктура CIPS	Масштаб китайской торговли поддерживает интернационализацию, однако сохраняются ограничения движения капитала и меньшая глубина открытого финансового рынка
Прочие валюты	Остальная часть	Источник постепенной диверсификации резервных портфелей	Рост распределяется между несколькими валютами и не формирует единого альтернативного центра

Источник: разработано авторами.

В отдельных двусторонних и региональных торговых контурах роль

доллара может снижаться быстро. Российская статистика 2022-2025 гг. представляет особенно выраженный пример такого процесса [18].

На уровне официальных мировых резервов изменения значительно медленнее. В I квартале 2026 г. доллар по-прежнему обеспечивал более половины мировых валютных резервов, а юань - около 2% [13].

При этом необходимо учитывать и ещё один фактор: изменение валютной доли COFER может происходить не только из-за покупок и продаж резервных активов, но и из-за курсовой переоценки. IMF специально обращает внимание на необходимость отделять активные изменения в портфелях центральных банков от эффектов курсовой переоценки [13].

Таким образом, дедолларизацию целесообразно определять как неравномерное снижение зависимости от доллара в отдельных функциях международных денег.

В кратко- и среднесрочной перспективе более вероятна модель валютной диверсификации: доллар сохраняет глобальное преимущество, но рядом с ним расширяется использование национальных и региональных валют в отдельных торговых и финансовых контурах [12-14].

Отдельного уточнения требует цифровизация. Она может не только ослаблять традиционную валютную иерархию, но и воспроизводить её в новой технологической форме. Большинство существующих стейблкоинов номинировано в долларах США; IMF указывает, что расширение долларовых стейблкоинов потенциально способно укреплять международные сетевые эффекты американской валюты [20].

В дискуссии о валютной диверсификации особое место занимает сотрудничество БРИКС. Однако по состоянию на 2025-2026 гг. практическая повестка объединения на расширении расчётов и финансирования в национальных валютах и развитии BRICS Cross-Border Payments Initiative.

В Рио-де-Жанейрской декларации 2025 г. государствам поручено продолжить обсуждение трансграничной платёжной инициативы и возможных

технологических решений; одновременно поддерживается расширение финансирования в национальных валютах [17].

Выводы. Проведённый анализ подтверждает исходный вывод о том, что расширение санкционных ограничений после 2022 г. стало одним из факторов ускоренной адаптации международных расчётных механизмов.

Однако результат этой адаптации целесообразно определять как функциональную фрагментацию, а не как уже завершившийся переход к новой глобальной валютной системе.

Фрагментация проявляется прежде всего в создании резервных каналов передачи финансовых сообщений, расширении расчётов в национальных валютах, развитии CIPS и других региональных механизмов, а также в экспериментах с токенизированными и цифровыми формами денег.

При этом основная часть мировой финансовой системы продолжает опираться на существующие глобальные сети и международные валюты.

Проведённое разграничение показывает, что санкционный риск воздействует на несколько самостоятельных уровней: доступ к системе финансовых сообщений, корреспондентским отношениям, валюте платежа и резервному активу. Способность заменить один из этих элементов не означает автоматической независимости от остальных.

Особенно наглядно это проявляется в использовании национальных валют. В российской внешней торговле доля рубля и валют дружественных стран к 2025 г. значительно возросла [18], однако структура мировых валютных резервов изменяется существенно медленнее.

Поэтому дедолларизация имеет неоднородную структуру. Она наиболее заметна там, где институциональные или санкционные ограничения создают непосредственный стимул перейти к альтернативной валюте расчёта. В глобальных резервах, международном кредитовании и долговом финансировании преимущество доллара сохраняется благодаря глубине финансового рынка, ликвидности и сетевым эффектам [12-14].

Китайский юань обладает наибольшим среди альтернативных валют потенциалом дальнейшей интернационализации благодаря масштабу китайской экономики и развитию CIPS. Однако его мировая резервная доля пока остаётся около 2%, что не позволяет говорить о формировании сопоставимого с долларом глобального резервного центра [13, 19].

Цифровизация также не определяет направление валютной конкуренции автоматически. Оптовые CBDC и токенизированные банковские деньги способны повышать скорость и снижать операционные издержки трансграничных расчётов, не требуя отказа от существующих валют. Одновременно рост преимущественно долларовых стейблкоинов потенциально способен укреплять международную роль доллара в цифровой среде [15, 16, 20].

Таким образом, наиболее обоснованным результатом исследования является вывод о формировании многоуровневой расчётной архитектуры с возрастающим количеством резервных и региональных каналов при сохранении выраженной асимметрии валютной конкуренции.

В перспективе её развитие будет определяться не только политическими факторами, но и стоимостью платежа, ликвидностью, конвертируемостью валют, соблюдением требований AML/CFT, глубиной финансовых рынков и технологической совместимостью различных систем.

Список литературы

1. Фальченко О. Д., Стремоусова Е. Г., Гришкина Е. В. Особенности трансформации трансграничных платежей в условиях санкций: выбор оптимальной схемы для участника ВЭД // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2025. – №. 3. – С. 7-31.
2. Кузнецов А. В. Влияние геополитической ситуации на формирование новой мировой финансовой архитектуры: вызовы и возможности для России // Экономика. Налоги. Право. – 2022. – Т. 15. – №. 4. – С. 17-29.
3. Минакир П. А. Мировая экономика: идеальный шторм // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18. – №. 2. – С. 7-37.

4. Манушин Д. В. Мировая санкционная экономика, санкции, контрсанкции и новая мировая валюта // *Russian Journal of Economics and Law*. – 2022. – Т. 16. – №. 2. – С. 345-369.
5. Арапова Е. Я. Новые модальности глобальной санкционной политики // *Международная аналитика*. – 2023. – Т. 14. – №. 1. – С. 37-51.
6. Переход С. А., Мхитарян А. В., Селифонкина Д. С. Международные санкции против России (2014–2024 гг.): оценка и последствия для финансового рынка // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. – 2024. – №. 4. – С. 116-138.
7. Матвиенко Г. В. Меры противодействия экономическим санкциям, препятствующим осуществлению международных расчетов: финансово-правовые аспекты // *Lex russica*. – 2025. – Т. 78. – №. 6 (223). – С. 93-111.
8. Третьякова Г. В., Казаченко А. А., Льюнг Н. Л. В. Перспективы использования национальных валют в международных расчетах с участием России и Китая // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. – 2022. – №. 58. – С. 190-207.
9. Демченко М. В., Тормозова В. А. Регуляторное воздействие на финансовый рынок в условиях санкций недружественных государств // *Экономика. Налоги. Право*. – 2024. – Т. 17. – №. 3. – С. 182-190.
10. International Monetary Fund. Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism // *IMF Staff Discussion Note*. – Washington, DC: IMF, 2023. – No. 2023/001.
11. Косов М. Е., Платонов А. П., Решетников С. Б., Чернышева Т. К. Влияние санкционных ограничений на финансовый и банковский секторы Российской Федерации // *Финансовый журнал*. – 2025. – Т. 17. – №. 4. – С. 62-82.
12. International Monetary Fund. External Sector Report 2025: Global Imbalances in a Shifting World. – Washington, DC: IMF, 2025.
13. International Monetary Fund. Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves: World Aggregates, First Quarter of 2026. IMF Data Brief. – Washington,

DC: IMF, 2026.

14. European Central Bank. The International Role of the Euro. – Frankfurt am Main: ECB, 2025.

15. Bank for International Settlements. Annual Economic Report 2026. – Basel: BIS, 2026.

16. Bank for International Settlements. Project Agorá: A Shared Programmable Platform for Wholesale Cross-Border Payments. – Basel: BIS, 2026.

17. BRICS. Rio de Janeiro Declaration: Strengthening Global South Cooperation for More Inclusive and Sustainable Governance. – Rio de Janeiro, 2025.

18. Банк России. Итоги работы Банка России 2025: развитие системы платежей и расчетов. – Москва: Банк России, 2026.

19. Cross-Border Interbank Payment System. CIPS Participants Announcement No. 116. – Shanghai, 31 December 2025.

20. International Monetary Fund. Understanding Stablecoins. IMF Departmental Paper. – Washington, DC: IMF, 2025. – No. 2025/009.

21. Bank for International Settlements. Project mBridge Reached Minimum Viable Product Stage. – Basel: BIS, 2024.

22. Council of the European Union. EU Sanctions against Russia: Questions and Answers. – Brussels: Council of the European Union, 2026.

23. SWIFT. RMB Tracker. February 2026. – La Hulpe: SWIFT, 2026.

References

1. Fal'chenko O. D., Stremousova E. G., Grishkina E. V. Osobennosti transformatsii transgranichnykh platezhei v usloviyakh sanktsii: vybor optimal'noi skhemy dlya uchastnika VED // ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika. – 2025. – №. 3. – S. 7-31.

2. Kuznetsov A. V. Vliyanie geopoliticheskoi situatsii na formirovanie novoi mirovoi finansovoi arkhitektury: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii // Ekonomika. Nalogi. Pravo. – 2022. – T. 15. – №. 4. – S. 17-29.

3. Minakir P. A. Mirovaya ekonomika: ideal'nyi shtorm // Prostranstvennaya

ekonomika. – 2022. – T. 18. – №. 2. – S. 7-37.

4. Manushin D. V. Mirovaya sanktsionnaya ekonomika, sanktsii, kontrsanktsii i novaya mirovaya valyuta // Russian Journal of Economics and Law. – 2022. – T. 16. – №. 2. – S. 345-369.

5. Arapova E. Ya. Novye modal'nosti global'noi sanktsionnoi politiki // Mezhdunarodnaya analitika. – 2023. – T. 14. – №. 1. – S. 37-51.

6. Perekhod S. A., Mkhitaryan A. V., Selifonkina D. S. Mezhdunarodnye sanktsii protiv Rossii (2014–2024 gg.): otsenka i posledstviya dlya finansovogo rynka // Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk. – 2024. – №. 4. – S. 116-138.

7. Matvienko G. V. Mery protivodeistviya ekonomicheskim sanktsiyam, prepyatstvuyushchim osushchestvleniyu mezhdunarodnykh raschetov: finansovo-pravovye aspekty // Lex russica. – 2025. – T. 78. – №. 6 (223). – S. 93-111.

8. Tret'yakova G. V., Kazachenko A. A., Lyong N. L. V. Perspektivy ispol'zovaniya natsional'nykh valyut v mezhdunarodnykh raschetakh s uchastiem Rossii i Kitaya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. – 2022. – №. 58. – S. 190-207.

9. Demchenko M. V., Tormozova V. A. Regulyatornoe vozdeistvie na finansovyi rynek v usloviyakh sanktsii nedruzhestvennykh gosudarstv // Ekonomika. Nalogi. Pravo. – 2024. – T. 17. – №. 3. – S. 182-190.

10. International Monetary Fund. Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism // IMF Staff Discussion Note. – Washington, DC: IMF, 2023. – No. 2023/001.

11. Kosov M. E., Platonov A. P., Reshetnikov S. B., Chernysheva T. K. Vliyanie sanktsionnykh ogranicenii na finansovyi i bankovskii sektory Rossiiskoi Federatsii // Finansovyi zhurnal. – 2025. – T. 17. – №. 4. – S. 62-82.

12. International Monetary Fund. External Sector Report 2025: Global Imbalances in a Shifting World. – Washington, DC: IMF, 2025.

13. International Monetary Fund. Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves: World Aggregates, First Quarter of 2026. IMF Data Brief. – Washington,

DC: IMF, 2026.

14. European Central Bank. The International Role of the Euro. – Frankfurt am Main: ECB, 2025.

15. Bank for International Settlements. Annual Economic Report 2026. – Basel: BIS, 2026.

16. Bank for International Settlements. Project Agorá: A Shared Programmable Platform for Wholesale Cross-Border Payments. – Basel: BIS, 2026.

17. BRICS. Rio de Janeiro Declaration: Strengthening Global South Cooperation for More Inclusive and Sustainable Governance. – Rio de Janeiro, 2025.

18. Bank Rossii. Itogi raboty Banka Rossii 2025: razvitie sistemy platezhei i raschetov. – Moskva: Bank Rossii, 2026.

19. Cross-Border Interbank Payment System. CIPS Participants Announcement No. 116. – Shanghai, 31 December 2025.

20. International Monetary Fund. Understanding Stablecoins. IMF Departmental Paper. – Washington, DC: IMF, 2025. – No. 2025/009.

21. Bank for International Settlements. Project mBridge Reached Minimum Viable Product Stage. – Basel: BIS, 2024.

22. Council of the European Union. EU Sanctions against Russia: Questions and Answers. – Brussels: Council of the European Union, 2026.

23. SWIFT. RMB Tracker. February 2026. – La Hulpe: SWIFT, 2026.

Статья поступила в редакцию 28.05.2026; одобрена после рецензирования 25.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 28.05.2026; approved after reviewing 25.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.